

Альтер М.

Наследство

Альтер М.
Наследство

«Автор»

2026

М. А.

Наследство / А. М. — «Автор», 2026

Артём получает в наследство дом деда, которого никогда не знал. В подвале он обнаруживает комнату, где время течёт иначе, и саркофаг с таинственной женщиной, проспавшей два столетия. Пробудив Лидию, Артём оказывается втянут в паутину родового проклятия, древних договоров с Тьмой и борьбы с бессмертным злом. Чтобы выжить, им предстоит разрушить вековые узы, заглянуть в бездну времени и заплатить самую высокую цену. Мистический роман ужасов о любви, жертвенности и силе, способной победить даже Вечность.

© М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая: Дом на отшибе	5
Глава вторая: Пробуждение	11
Глава третья: Голос из бездны	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Альтер М. Наследство

Глава первая: Дом на отшибе

Дождь начался, когда Артём свернул с трассы на старую грунтовую дорогу, обозначенную на навигаторе лишь пунктирной линией. Тонкая серая нить уводила вглубь чахлого смешанного леса, где сосны перемежались с кривыми, больными берёзами. Была середина октября, и природа, казалось, умирала с особой, неприглядной откровенностью. Листва не горела золотом и багрянцем, как на картинках, а съёживалась в бурые, мокрые комки, приликая к лобовому стеклу старенького «Форда». Дворники работали на максимальной скорости, но видимость всё равно была отвратительной. Они размазывали по стеклу грязную жижу, превращая пейзаж за окном в размытое, дрожащее пятно. Артём прищурился, вглядываясь в серую пелену. В груди поселилось странное, тянущее чувство, которое он никак не мог идентифицировать. Это не было волнением или страхом. Скорее, глухая, иррациональная тревога, смешанная с болезненным любопытством. Он ехал получать наследство от человека, которого никогда в жизни не видел.

Телефонный звонок две недели назад выдернул его из привычного ритма жизни, из вязкой, удушливой рутины менеджера среднего звена в небольшой фирме по продаже стройматериалов. Звонил нотариус из областного центра, сухой, официальный голос сообщил, что скончался его дед по отцовской линии, Матвей Ильич Ветров, и что Артём является единственным прямым наследником. Новость эта оглушила. Артём даже не сразу понял, о ком идёт речь. Отец ушёл из семьи, когда мальчику было четыре года, и все разговоры о нём и его родственниках были в доме под строжайшим запретом. Мать, женщина с жёстким характером и сердцем, полным застарелых обид, просто вычеркнула эту страницу из их общей биографии. Для неё существовали только она и сын. Всё остальное было предательством и пустотой. Поэтому имя «Матвей Ветров» ни о чём Артёму не говорило. Оно было пустым звуком, призраком из несуществующего прошлого.

Однако вместе с именем нотариус озвучил и суть наследства: дом в деревне Мокрый Лог и приличный банковский счёт. Для Артёма, который последние пять лет безуспешно пытался выбраться из долговой ямы, съёмной квартиры на окраине города, где вечно шумели соседи, и опостылевшей работы, это было подобно грому среди ясного неба. Дом. Собственный дом. И деньги, которых хватило бы, чтобы заткнуть все финансовые дыры и, возможно, начать новую жизнь. Он согласился, почти не раздумывая. Мать, узнав о звонке, замкнулась в ледяном молчании, которое длится до сих пор. Она лишь бросила на прощание фразу, от которой у Артёма до сих пор бежали мурашки по коже: «Нечего тебе там делать. Это гиблое место. Твой отец оттуда сбежал, и правильно сделал». Но он уже не слушал. Образ тихого деревенского дома, где можно будет забыть о городской суете, переехать, начать всё с чистого листа, заслонил собой все смутные предостережения. Он уже видел, как по утрам пьёт кофе на веранде, слушающая тишину. Как занимается ремонтом, вдыхая запах свежего дерева. Эта картинка стала его навязчивой идеей, его спасательным кругом в море безысходности.

Лес внезапно расступился, и дорога, сделав крутой поворот, упёрлась в покосившийся, проржавевший шлагбаум, за которым начиналась деревня. Вернее, то, что от неё осталось. Мокрый Лог встретил его кладбищенской тишиной и запахом сырости. Дождь немного утих, превратившись в мелкую, почти невидимую морось, которая, казалось, проникала повсюду. Артём вышел из машины, чтобы поднять шлагбаум, и его ботинки тут же утонули в грязи. Он огляделся. Вдоль единственной улицы, уходящей в туман, стояли дома. Многие из них были

давно заброшены: чёрные провалы окон, просевшие крыши, заколоченные досками двери. Краска на наличниках облупилась, обнажая серое, изъеденное временем и жучком дерево. Заборы покосились, словно пьяные, а в огородах буйно разросся дикий, никому не нужный бурьян. Несколько домов ещё подавали признаки жизни: из печных труб вился слабый дымок, во дворах стояли старенькие автомобили, но людей видно не было. Деревня казалась вымершей. Только где-то вдалеке, монотонно и надрывно, брехала невидимая собака. Её лай эхом разносился над пустыми полями, ещё больше подчёркивая гнетущую тишину этого места. Артём поёжился не столько от холода, сколько от гнетущего ощущения запустения и какой-то бесприютности. Он сел обратно в машину и медленно покатыл по улице, высматривая нужный адрес.

Дом деда стоял на самом отшибе, там, где деревня окончательно растворялась в лесу. Он был отделён от остального мира старым, заросшим сиренью и диким шиповником оврагом. Артём остановил машину у кованых, на удивление крепких ворот, и заглушил двигатель. Тишина навалилась с новой силой, плотная, ватная, звенящая. Он выбрался из машины и, стоя под морозящим дождём, принялся рассматривать то, что отныне принадлежало ему.

Это был большой, двухэтажный дом из тёмного, почти чёрного от времени и сырости бревна. Он был старым, очень старым, но не производил впечатления развалюхи. Напротив, чувствовалась в нём какая-то мрачная, суровая основательность. Высокое крыльцо с резными, но попорченными временем перилами. Окна, похожие на тёмные глазницы, наглухо закрытые ставнями. Массивная дубовая дверь, обитая металлическими полосами с крупными коваными гвоздями. Над дверью, под самым козырьком, темнел какой-то вырезанный из дерева символ, похожий на спираль или лабиринт. Артём вгляделся, но так и не смог понять, что это. Символ был старым, покрытым мхом и трещинами, словно языческий оберег. Дом стоял на пригорке, окружённый десятком громадных, старых елей, которые своими мрачными, лапчатыми ветвями нависали над крышей, не пропуская и без того скудный свет осеннего дня. От этого дом казался погружённым в вечный сумрак. Сад вокруг дома одичал и превратился в непролазную чащу. Голые кусты малины переплелись с крапивой в человеческий рост. Всё это выглядело не как уютное родовое гнездо, а как иллюстрация к готическому роману, от которой веяло холодом и запустением. Артём глубоко вздохнул, чувствуя, как его радужные мечты о тихой жизни начинают трещать по швам. Он ожидал увидеть что-то, требующее ремонта, но не это. Не эту давящую, почти осязаемую атмосферу ветхости и тайны.

Он достал из кармана связку ключей, которую ему передал нотариус. Ключи были старые, тяжёлые, с замысловатыми бородками. Один, самый большой, видимо, от входной двери. С тихим, жалобным скрипом, который, казалось, разнёсся по всей округе, дверь поддалась. Артём шагнул внутрь, и его сразу окутала волна спёртого, нежилого воздуха с примесью запахов старого дерева, пыли, сушёных трав и чего-то ещё, трудноуловимого и неприятного. Запаха забвения и медленного умирания. Он вошёл в тёмные сени, где пахло мышами и прелой листвой, и, чиркнув найденной на ощупь спичкой, зажёл старую керосиновую лампу, стоявшую на сундуке. Электричества в доме не было. Нотариус предупреждал, что дед жил отшельником и намеренно отключил все коммуникации много лет назад. Света лампы едва хватало, чтобы разогнать густой мрак, сгустившийся по углам. Дрожащее пламя выхватывало из темноты отдельные предметы: старую вешалку с пыльным плащом, какие-то короба, связки сухих трав под потолком.

Пройдя через сени, он оказался в большой комнате, служившей, по-видимому, кухней и гостиной одновременно. В центре возвышалась огромная, сложенная из дикого камня русская печь, которая занимала едва ли не четверть всего пространства. Она была холодной и тёмной, её чёрное зевало напоминало вход в пещеру. Вдоль стен темнели массивные, грубо сколоченные полки, уставленные книгами, банками с мутными жидкостями и какими-то запылёнными инструментами, назначения которых Артём не знал. Тут были циркули, астроябля,

какие-то медные трубки и стеклянные колбы, покрытые толстым слоем пыли. Большой дубовый стол, стоящий у окна, был завален пожелтевшими бумагами, исписанными мелким, убористым почерком. Чернила на многих листах выцвели и стали коричневыми, почти неразличимыми. В углу, под самым потолком, темнел образ, но лика святого было не разобрать из-за копоты и паутины. Атмосфера в доме была не просто затхлой. Она была пропитана одиночеством, долгим, упорным размышлением и какой-то тайной, которая, казалось, сочилась из самих стен. Каждый предмет здесь, казалось, хранил отпечаток своего хозяина, его мыслей и его жизни. Артём медленно обошёл комнату, чувствуя себя непрошеным гостем, взломщиком, вторгшимся в чужое, тщательно оберегаемое пространство. Тишина здесь была особой, глубокой, нарушаемой лишь тиканьем старых настенных часов с маятником, которые, как ни странно, всё ещё шли. Их мерный, отстранённый ход был единственным признаком жизни в этом доме-склепе. Тик-так, тик-так — звук разносился по пустым комнатам, создавая гипнотический, почти гипнотический ритм.

Он поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж. Там было три комнаты. Одна, судя по всему, была спальней деда: железная кровать, застеленная грубым шерстяным одеялом, платяной шкаф с приоткрытой дверцей, из которого выглядывала тёмная, старомодная одежда, и стол с большим, заляпанным воском подсвечником. Вторая комната была заперта изнутри, и Артём, сколько ни дёргал массивную ручку, так и не смог её открыть. Это обстоятельство неприятно его задело. Какая тайна могла скрываться за запертой дверью в доме старика-отшельника? Третья оказалась чем-то вроде кабинета или библиотеки. Стены здесь были сплошь заставлены стеллажами, ломящимися от книг. Книги были повсюду: на полках, на полу, на продавленном диване. Фолианты в тёмных кожаных переплётах с золотым тиснением, потрёпанные брошюры, папки с рукописями. Артём взял одну из книг наугад. Это был старый учебник по физике на немецком языке. На полях и прямо поверх текста мелкими, торопливыми буквами были сделаны заметки на русском, но их содержание показалось Артёму полным бредом. «Время не есть константа. Оно — река, и можно изменить её русло», — прочитал он и захлопнул книгу. По спине пробежал холодок. Другая книга была посвящена астрономии, третья — механике, четвёртая — древним культам и обрядам. Целая секция была отведена под книги по философии — от Аристотеля до Хайдеггера. Совершенно непонятная, эклектичная библиотека для деревенского жителя. Артём почувствовал, как у него начинает пульсировать в висках. От запаха пыли и старой бумаги першило в горле.

Он спустился вниз, чувствуя, как усталость и нервное напряжение берут своё. Дом давил на него. Он не был радушным. Он словно присматривался, оценивал нового хозяина. В гостиной Артём подошёл к столу и начал рассеянно перебирать бумаги. Это были какие-то расчёты, формулы, чертежи. Всё было выполнено чрезвычайно аккуратно, с педантичностью, граничащей с одержимостью. Среди бумаг он нашёл толстую тетрадь в коленкоровом переплёте, которая оказалась дневником. Артём пролистнул несколько страниц. Почерк был тот же, что и на заметках в книгах — убористый, летящий.

«12 марта. Эксперимент номер сто сорок семь. Изменение скорости распада на три десятых процента. Ничтожно мало, но это подтверждает теорию! Фон в норме».

«5 июля. Оно пришло, когда я был в подвале. Звук похож на гудение высоковольтных проводов. Надо усилить изоляцию контура».

«19 декабря. Я старею. Кожа на руках как пергамент. Но ТАМ время идёт иначе. Если я смогу стабилизировать поле, я смогу...». На этом запись обрывалась.

«ТАМ». Это слово было написано с большой буквы и подчёркнуто дважды. Снова «ТАМ». Артёма начал раздражать этот ребус. Что за эксперименты? Какое поле? Похоже, его дед был не просто чудаковатым отшельником, а настоящим сумасшедшим, помешавшимся на какой-то бредовой идее. «Комната, где время идёт быстрее», — вспомнил он слова нотариуса, который, нервно потирая руки, пересказывал ему слухи, ходившие о покойном. Тогда Артём

лишь усмехнулся. Местный сумасшедший изобретатель вечного двигателя или машины времени. Классика. Но сейчас, стоя посреди этого мрачного дома, полного странных книг и непонятных приборов, он уже не был так уверен в своём скепсисе.

Решив, что на сегодня впечатлений достаточно, он решил обследовать последнее место — подвал. Вход в него он заметил ещё раньше — низкая, обитая ржавым железом дверь под лестницей, ведущей на второй этаж. Она была приоткрыта, словно приглашая его в тёмное нутро дома. Артём взял керосиновую лампу и, с трудом отворив тяжёлую, скрипучую дверь, начал спускаться вниз по крутым, выщербленным каменным ступеням. Воздух здесь был ещё более спёртым и холодным. Пахло сырой землёй, плесенью и чем-то кислотатым, похожим на запах озона после грозы. Стены подвала были сложены из грубого, неотёсанного камня, на которых конденсировалась влага. Под ногами хрустела каменная крошка.

Подвал оказался на удивление большим и состоял из нескольких помещений. Первое было чем-то вроде склада: старые бочки, деревянные ящики с непонятным содержимым, груды ржавого инструмента. Но его внимание сразу приковала вторая дверь, расположенная в дальней стене. Она разительно отличалась от всего, что он видел в доме до этого. Если сам дом и его убранство были просто старыми, то эта дверь была... иной. Она была сделана из какого-то тёмного, почти чёрного металла, матово поблёскивающего в свете лампы. Ни царапины, ни следа коррозии, словно время было над ней не властно. По её периметру шли странные, геометрически правильные канавки, заполненные чем-то, похожим на тусклую медь. На двери не было ни ручки, ни замочной скважины, лишь в центре темнел небольшой круглый диск из того же металла, слегка выступающий над поверхностью.

Артём подошёл ближе. Гудение, которое он списывал на усталость и шум в ушах, здесь, у самой двери, стало громче. Оно не было неприятным, но от него заныли зубы и появилось ощущение давления в голове. Он коснулся двери ладонью. Металл был ледяным, неестественно холодным, и от прикосновения по руке, до самого плеча, пробежала дрожь. Сердце забило быстрее. Именно здесь, за этой дверью, скрывалась тайна деда. Его «ТАМ». Его комната с изменённым временем. Бред сумасшедшего, обретший физическое воплощение.

Он начал лихорадочно ощупывать дверь, пытаясь найти какой-нибудь скрытый механизм. Он давил на диск, пытался сдвинуть его в сторону, но тот даже не шелохнулся. Дверь стояла как влитая. Тогда он поднёс лампу ближе к диску и увидел на нём тончайшую, едва заметную гравировку. Это была та же спираль или лабиринт, что и над входной дверью дома. Только здесь она была окружена сложной вязью микроскопических символов, напоминающих математические формулы. И тут его осенило. Он вспомнил странные часы в гостиной. Они шли, но стрелки на них двигались в обратную сторону. Он тогда списал это на неисправный механизм. Но что, если это было сделано намеренно? Какой-то ключ? Знак?

Охваченный внезапной догадкой, граничащей с безумием, Артём бросился наверх, в гостиную. Часы мерно тикали в темноте. Он подошёл к ним, освещая циферблат лампой. Да, ошибки быть не могло. Часовая и минутная стрелки двигались против обычного хода. Они шли назад. Отсчитывали время вспять. Он осторожно снял часы со стены. Они были тяжёлыми. На задней крышке, выполненной из тусклой латуни, была выгравирована та же спираль, что и на двери в подвале. Внутри у него всё похолодело. Случайность? Нет, в этом доме, полном странных книг и записей сумасшедшего учёного, не могло быть таких случайностей. Это был ключ. И он должен был как-то работать.

С часами в руках он снова спустился в подвал. Гудение у металлической двери, казалось, усилилось, войдя в резонанс с его внутренним напряжением. Он подошёл вплотную к диску. Его диаметр идеально совпадал с диаметром часов. Дрожащими от волнения руками Артём приложил часы циферблатом к металлическому диску. Раздался тихий, мелодичный звон, словно где-то далеко ударили в маленький хрустальный колокольчик. Гудение резко изменило тональность, став ниже и гуще. По канавкам, заполненным медью, пробежало тусклое, янтар-

ное свечение. Диск под часами начал медленно вращаться, увлекая за собой часовой механизм. Стрелки на часах, которые были прижаты к двери, завертелись с бешеной скоростью. Артём, заворожённый этим зрелищем, не мог отвести взгляд. Он чувствовал, как вибрирует пол под ногами, как дрожит сам воздух. А затем раздался низкий, утробный скрежет, с которым, должно быть, открывается дверь древней гробницы. Тяжёлая металлическая плита дрогнула и начала медленно, со звуком втягиваемого воздуха, отъезжать в сторону, открывая за собой абсолютную, непроглядную тьму. Тьму, которая, казалось, была не просто отсутствием света, а отдельной, плотной субстанцией.

Артём замер на пороге, высоко подняв лампу. Её свет выхватывал из мрака лишь небольшой участок пола, но не проникал вглубь. Комната, если это была комната, казалась огромной. Оттуда, из чернильной темноты, тянуло холодом и уже знакомым запахом озона, но к нему примешивалось что-то новое. Запах пыли веков, запах древности, который, казалось, исходил от каменных стен египетских пирамид. Запах времени, обретшего материальность. Ему стало страшно. Страшно первобытным, липким страхом, который сковывает мышцы и заставляет волосы на затылке шевелиться. Вся его рациональность, весь скепсис разбились об эту реальность, как волна о каменный утёс. Дед не был сумасшедшим. Он создал это. Что-то, что не должно существовать.

Он сделал один маленький, неуверенный шаг вперёд, пересекая порог. Сразу же изменились ощущения. Давление в ушах пропало, гудение исчезло. Наступила абсолютная, звенящая тишина, которая была страшнее любого звука. В этой тишине он слышал только стук собственного сердца, который отдавался в висках гулким набатом. Воздух здесь был необычайно сухой и прохладный, он словно искрился на языке. Артём поднял лампу выше и сделал ещё несколько шагов. Свет выхватил из темноты стены, сложенные из того же чёрного металла, что и дверь. Они были покрыты рядами непонятных символов и формул, выгравированных с той же педантичной аккуратностью. Пол был идеально гладким, словно зеркало.

А затем он увидел это. У дальней стены, которая терялась во мраке, стояли два больших, похожих на саркофаги, контейнера из тусклого металла. Их верхние крышки были прозрачными, сделанными из какого-то материала, похожего на толстое стекло, но отливающего перламутром. Артём, затаив дыхание, подошёл ближе. Сердце колотилось где-то в горле. Он поднёс лампу к одному из контейнеров и заглянул внутрь. И в тот же миг всё его существо парализовало ледяной, животный ужас.

Внутри, в слабом сиянии перламутрового стекла, лежал человек. Вернее, то, что от него осталось. Это было иссохшее, мумифицированное тело, облачённое в тёмный, истлевший сюртук. Кожа, похожая на древний пергамент, плотно обтягивала череп, черты лица невозможно было разобрать. Длинные, седые, но местами всё ещё сохранившие тёмный цвет волосы были разбросаны по подголовью. Руки, скрещённые на груди, напоминали когтистые лапы хищной птицы. Рядом с телом лежала старинная книга в кожаном переплёте. Артём, преодолевая тошноту и дрожь во всём теле, отвёл взгляд и заставил себя посмотреть на второй контейнер. Там тоже кто-то лежал, но этот «кто-то» был завернут в нечто, напоминающее саван из грубой, посеребрённой ткани. Но его внимание приковала не ткань, а то, что лежало на груди у закутанной фигуры. Это был сложенный лист бумаги. И на нём, через перламутровое стекло, он смог разглядеть всего одно слово, написанное знакомым, убористым почерком деда. Это было слово «Прости».

Сознание Артёма отказывалось принимать происходящее. Мозаика из разрозненных, пугающих фактов внезапно сложилась в чудовищную картину. «Дед провёл там 200 лет. И не один», — пронеслась в голове фраза нотариуса. Этот высохший старик в первом саркофаге — и есть его дед, Матвей Ветров. Умерший две недели назад. Он не просто проводил здесь эксперименты. Он пытался обмануть время в этой металлической комнате. И его тело, прошедшее взаперти, в изменённом временном потоке, эквивалент двух столетий, состарилось и

иссохло до состояния мумии. Но если первый контейнер — это его дед, то кто тогда во втором? Кому адресовано это короткое, полное муки и раскаяния «Прости»? Кого ещё дед обрёл на эту чудовищную вечность в четырех стенах?

В этот момент тишину прорезал звук. Он был едва слышным, шорохом, похожим на то, как мышь скребётся за стеной. Но в мёртвой тишине этой комнаты-склепа он прозвучал как гром. Артём замер, обратившись в слух. Шорох повторился. Он доносился из второго контейнера. Из-под посеребрённого савана. Что-то или кто-то скрёбся изнутри. По закрытым глазам Артёма, едва заметно, дрогнула прозрачная крышка. Ужас, холодный и бездонный, накрыл его с головой. Лампа в его дрожащей руке мигнула, и пламя тревожно заметалось, отбрасывая на металлические стены пляшущие, уродливые тени. В колеблющемся свете ему на мгновение показалось, что иссохшая голова деда в соседнем контейнере медленно, как во сне, повернулась в его сторону.

Артём попятился. Инстинкт самосохранения, более древний и сильный, чем любой разум, кричал ему бежать. Бежать из этого дома, из этой проклятой деревни, забыть всё, что он видел. Но ноги словно приросли к идеально гладкому полу. А из второго контейнера снова раздался звук. Теперь он был отчётливее. Это был не скрежет. Это был стук. Слабый, ритмичный, умоляющий. Стук, который просил о помощи. Стук, который мог издавать только человек.

Глава вторая: Пробуждение

Стук был ритмичным. Три удара, пауза, ещё три. Словно азбука Морзе, сигнал бедствия из бездны, которую человеческий разум не в силах был осмыслить. Артём стоял, парализованный ужасом, не в силах отвести взгляд от перламутровой крышки второго саркофага. Лампа в его вытянутой руке дрожала, и тени на металлических стенах метались в безумной, беззвучной пляске, отчего вся комната, казалось, ожила и заколыхалась. Холод, пронизывающий до костей, сменился липким, горячим потом, выступившим на лбу. Воздух, спёртый и отдающий озоном, стал вдруг невыносимо тяжёлым, он давил на грудь, мешая дышать. Разум Артёма, пытаясь защититься, судорожно выискивал рациональные объяснения. Крысы. Это могли быть крысы. Или старый дом оседает, издавая звуки. Или это слуховая галлюцинация, вызванная стрессом и странным гудением. Но он знал, знал с пугающей, леденящей определённой уверенностью, что это не так. Стук был слишком осмысленным. Слишком человеческим.

Он сделал шаг назад, потом ещё один, не решаясь повернуться к двери спиной. Словно загипнотизированный, он смотрел на саван из посеребрённой ткани, под которым угадывались очертания человеческого тела. Тела, которое подавало признаки жизни. Кто там? Что за чудовищный эксперимент поставил его дед, заперев живое существо в этом металлическом склепе, где само время текло по иным, безумным законам? В сознании всплыли обрывки из дневника деда. «Я старею... Но ТАМ время идёт иначе. Если я смогу стабилизировать поле, я смогу...» Что он смог? И чем он заплатил за это? Чем заплатил тот, кто сейчас скрёбся в свою тесную тюрьму, умоляя о спасении?

Внезапно стук прекратился. Тишина, наступившая после него, была ещё страшнее. Она звенела в ушах, давила на барабанные перепонки. В этой гробовой тишине Артём услышал новый звук — тихое, едва уловимое шипение, словно где-то рядом травили газ. Он исходил от саркофага. По краю прозрачной крышки, которая, казалось, была монолитной, забегали, заискрились микроскопические алые огоньки. Затем с тихим, мелодичным звоном, так не вязавшимся с кошмаром происходящего, крышка приподнялась на несколько миллиметров, и из щели вырвалось облачко пара, которое, закручиваясь в спираль, растаяло в тёмном воздухе. Вслед за паром комнату наполнил новый запах — запах нагретого металла, древних благовоний и чего-то ещё, отдалённо напоминающего аромат озона после грозы, только более концентрированный. Артём замер, вцепившись в ручку лампы так, что побелели костяшки пальцев. Крышка, подчиняясь скрытому механизму, медленно, бесшумно отъехала в сторону и исчезла в стенках саркофага.

Перед ним, на ложе из странного, переливающегося материала, лежала фигура, полностью укутанная в посеребрённый саван. Ткань плотно облегла тело, скрывая его черты, но было видно, что это человек. Судя по очертаниям, женщина. Артём стоял ни жив ни мёртв, ожидая, что будет дальше. Прошла минута, показавшаяся вечностью. Ничего не происходило. Фигура не двигалась. Стук прекратился. Может, механизм открылся сам, от времени? Может, то, что лежало внутри, больше не представляет угрозы? Трясущейся рукой Артём протёр глаза, пытаясь стряхнуть наваждение. Он должен подойти. Должен увидеть. Это было выше его сил — просто развернуться и уйти.

Сделав глубокий вдох, словно перед прыжком в ледяную воду, он сделал несколько неуверенных шагов к открытому контейнеру. С каждым шагом свет лампы всё лучше освещал то, что лежало внутри. Очертания женской фигуры под саваном были изящны и пропорциональны. Он подошёл вплотную. Ткань савана была испещрена тончайшей, невиданной вышивкой — теми же спиралями и формулами, что и стены комнаты, но выполненными серебряной нитью, которая слабо мерцала в свете лампы. Лицо фигуры было скрыто капюшоном. Артём, преодолевая страх, протянул руку и осторожно коснулся края савана. Ткань была прохладной

и гладкой, как шёлк. Он ухватился за неё и медленно, дюйм за дюймом, потянул вниз, открывая лицо.

И тут же отшатнулся, едва не выронив лампу. Увиденное противоречило всему, что он ожидал. Вместо иссохшей мумии, как в первом саркофаге, на него смотрело лицо невероятной, болезненной красоты. Это была женщина, на вид не старше двадцати пяти лет. Кожа её была бледной, почти прозрачной, с голубоватыми прожилками вен на висках. Казалось, она никогда не знала солнечного света. Тонкие, аристократические черты лица застыли в выражении глубокого, безмятежного покоя. Длинные, чёрные как смоль ресницы бросали тени на высокие скулы. Густые тёмные волосы, цвета воронова крыла, были рассыпаны по плечам и ложу, придавая ей сходство с трагической героиней старинных преданий. Губы, чётко очерченные, были плотно сжаты. Она выглядела не мёртвой, а спящей. Спящей глубоким, заколдованным сном. Одевание под саваном, которое теперь было видно, состояло из простого, но элегантного платья из тёмно-синего бархата, которое явно было сшито не в наше время. Высокий воротник-стойка, длинные, узкие рукава. На груди, сложенные в замок, лежали её руки — длинные, изящные пальцы с аккуратными, ухоженными ногтями.

Парализующий ужас начал отступать, уступая место лихорадочному, болезненному любопытству и полному непониманию. Как это возможно? Почему дед превратился в мумию, а она словно законсервировалась во времени? Артём снова приблизился, вглядываясь в её лицо. На вид она была его ровесницей, но в ней чувствовалась какая-то несоразмерная возрасту тяжесть, аура прожитых лет, которая исходила от неё, несмотря на юный облик. Он перевёл взгляд на сложенный лист бумаги, который лежал у неё на груди. Тот самый, с коротким словом «Прости», написанным рукой деда. Теперь он видел, что это не просто лист, а конверт. Он был запечатан старинной сургучной печатью с оттиском всё той же спирали. Что было внутри? Объяснение? Предсмертная исповедь? И кому оно адресовано? Ей? Или ему, неожиданному наследнику?

Он уже протянул руку, чтобы взять конверт, как вдруг увидел то, от чего кровь в его жилах снова превратилась в лёд. Веки женщины дрогнули. Это было почти неуловимое движение, но он его заметил. В следующее мгновение её ресницы медленно, словно створки древних ворот, поднялись. И на Артёма глянули глаза. Они были тёмными, почти чёрными, бездонными, как два омута. В них не было ни ужаса, ни удивления, ни радости. Только глубокая, вселенская усталость и... узнавание. Она смотрела прямо на него, не мигая, и в её взгляде читалось немое страдание, которое длилось целую вечность.

Артём отшатнулся, споткнулся о подол собственного плаща и едва не упал. Лампа качнулась, и комната снова погрузилась в хаос теней. Он хотел закричать, но горло перехватил спазм, из груди вырвался лишь сдавленный хрип. Он попятился к двери, но взгляд чёрных, бездонных глаз словно пригвоздил его к месту. Женщина в саркофаге медленно, очень медленно, как в замедленной съёмке, повернула голову к нему. Её губы приоткрылись, и с них сорвался звук. Это был не голос, а скорее выдох, тихий шелест, который больше походил на шёпот ветра в сухой траве, но Артём разобрал слова.

— Ты... пришёл. Долго... как долго я ждала.

Голос её был слабым, надтреснутым, но в нём звучала такая глубокая, трагическая интонация, что животный страх Артёма на мгновение смешался с острым, щемящим чувством жалости. Она говорила по-русски, но с каким-то едва уловимым, старомодным акцентом, словно этот язык она выучила очень давно.

— Кто... кто вы? — выдавил из себя Артём, чувствуя, как дрожит его голос. — Вы... вы живы?

Вместо ответа она медленно подняла руку. Движение давалось ей с огромным трудом, словно она преодолевала сопротивление невидимой, вязкой среды. Артём инстинктивно дёр-

нулся назад, ожидая, что её пальцы сомкнутся на его запястье, но она лишь указала слабым жестом на конверт у себя на груди.

— Прочти, — прошелестела она. — Там... ответы. Для тебя.

Её рука без сил упала обратно на ложе. Глаза снова закрылись, словно даже этот короткий разговор отнял у неё последние силы. Артём стоял, раздираемый противоречиями. Инстинкт самосохранения требовал бежать прочь, забыть этот дом, это наследство, всё, что он здесь видел. Но любопытство, то самое болезненное любопытство, которое толкает человека заглянуть за край бездны, было сильнее. А ещё эта женщина... она не выглядела чудовищем. Она выглядела жертвой. Жертвой того же безумного эксперимента, что превратил его деда в мумию. Она просила о помощи. И в её взгляде, кроме муки, было что-то ещё. Слабая, едва тлеющая искра надежды.

Переборов себя, он шагнул к ней. Его движения были скованными, неуверенными, как у человека, ступающего по минному полю. Он наклонился над саркофагом и дрожащими пальцами взял конверт. Сургучная печать легко, словно только и ждала этого прикосновения, рассыпалась в прах. Внутри лежал сложенный вчетверо лист плотной, пожелтевшей бумаги, испитый всё тем же убористым, летящим почерком его деда. Почерком человека, одержимого идеей и находящегося на грани отчаяния. Артём поднёс лампу ближе и, повинувшись невысказанной просьбе, начал читать вслух. Собственный голос в этой металлической комнате-склепе звучал глухо и неестественно, словно звук поглощался стенами.

«Тому, кто найдёт это послание. Не знаю, кем ты будешь. Возможно, ты — мой сын, Дмитрий, которого я так и не смог полюбить и который сбежал от меня, как только представился случай. Возможно, ты — случайный бродяга, мародёр, забредший в этот забытый Богом угол. Но если ты читаешь это, значит, дверь открылась, и моя история подошла к концу. Меня зовут Матвей Ильич Ветров. И я совершил ошибку, цена которой непомерно высока.

Всю свою жизнь я посвятил изучению времени. Не истории, не скучной хронологии событий, а физической природе времени как ткани, как поля, которое можно измерить и, при определённых условиях, изменить. Меня считали сумасшедшим, посмешищем в научных кругах, одержимым дилетантом. Но я нашёл ключ. Не в сложных ускорителях частиц, а в древних, забытых знаниях, в сакральной геометрии и принципах резонанса, которые были известны задолго до Ньютона и Эйнштейна. Я построил эту камеру. Мою Темпоральную камеру. И она заработала. Внутри неё время текло быстрее, чем снаружи. Час здесь равнялся году там, за стенами. Я был на пороге величайшего открытия в истории человечества. Я мечтал заглянуть в будущее, увидеть, каким станет мир через тысячу лет. Моё тщеславие и моё нетерпение сгубили всё.

Я не мог ждать. Опыты на животных прошли успешно. И я решился войти в камеру сам. Один. Но я не учёл одного: энергии, которую генерировала камера. Для стабильной работы ей нужен был проводник, якорь. Что-то или кто-то, кто оставался бы снаружи, поддерживая связь с нормальным течением времени. И я... — на этом месте строчки дрогнули, перо, видимо, сломалось, и дальше текст был написан уже другими чернилами, более бледными, — ...я использовал её. Лидию. Мою Лидию. Мою любовь и моё вечное проклятие».

Артём оторвал взгляд от письма и посмотрел на женщину. Лидия. Её зовут Лидия. Она по-прежнему лежала с закрытыми глазами, и только едва заметное движение груди говорило о том, что в ней теплится жизнь. Он перевернул страницу и продолжил читать.

«Я сказал Лидии, что нам нужно провести ещё один, последний, самый важный эксперимент. Она верила мне безоговорочно. Она была моей ассистенткой, моей музой, единственным человеком, который понимал меня. Я поместил её во второй саркофаг, объяснив, что её задачей будет считывать показания приборов снаружи. Я солгал. Её саркофаг был связан с моим сложной системой резонансных контуров. Она стала моим якорем. Пока она оставалась там, снаружи основного временного потока, я мог находиться здесь, внутри, в ускоренном времени.

Её время текло в сотни раз медленнее моего. Пока для меня проходили десятилетия, для неё — лишь дни. Я думал, что смогу контролировать процесс. Что через час, два, максимум день по моему внутреннему времени я выйду из камеры гением, увидевшим будущее, и освобожу её. Но я не смог.

Время, однажды ускоренное, стало неуправляемым. Оно заиклилось, замкнулось на мне и на ней. Я пытался отключить систему, но создал необратимую связь. Мы стали частью этой камеры. Я не мог её покинуть, не убив её. Если бы я открыл свой саркофаг, разрушив контур, её временной поток мгновенно сравнялся бы с моим. За те секунды, что я выбирался бы наружу, для неё прошли бы десятки лет. Она бы умерла от старости в считанные мгновения, даже не успев понять, что произошло. Единственным способом выжить для нас обоих было ждать. Ждать, пока энергия иссякнет, пока износится сам механизм. Срок этого ожидания был рассчитан. Двести лет. Двести лет по её, внешнему времени. Двести лет сна для неё. Двести лет заточения и медленного умирания для меня.

Я прожил эти двести лет в четырёх стенах. Сначала были книги и расчёты. Я пытался найти выход. Потом были ярость и отчаяние. Потом наступило безумие, которое я гасил работой. Я наблюдал, как стареет и иссыхает моё тело, как разум заволакивает паутиной прожитых лет. Я забыл вкус хлеба и тепло солнца. Единственным, что связывало меня с реальностью, была она. Я видел её лицо через стекло — лицо, которое не менялось. Она спала, а я старел. Я, погубивший её молодость и красоту ради своей безумной мечты. Вся моя работа, все мои знания — ничто. Я был не учёным, а тюремщиком. Её тюремщиком и своим собственным. И когда энергия наконец-то начала иссыхать, я понял, что мой ресурс исчерпан. Я успею открыть камеру и отключить контур, но сам уже не жилец. Моё тело, привыкшее к другому ходу времени, вне камеры рассыплется в прах за несколько минут. Так и случилось. Я вышел из подвала, увидел свет в окне — и понял, что это конец.

Прошу тебя, кто бы ты ни был, о единственном. Позаботься о ней. Она не виновата. Она — жертва моего чудовищного эгоизма. Она всё ещё там, в подвале, спит сном, который длится два столетия. Когда камера откроется, она проснётся. Она будет слаба и дезориентирована. Будь с ней терпелив. Расскажи ей правду. Скажи, что я любил её больше жизни, но любовь моя была отравлена ядом тщеславия. И что я прошу у неё прощения, которого недостойн».

Внизу стояла подпись — размашистая, с крючковой буквой «В». И дата, от которой у Артёма помутилось в глазах. Дата, написанная рукой его деда, соответствовала сегодняшнему дню, но год стоял — 1876-й.

Он медленно опустил руку с письмом. Комната закружилась перед глазами. Значит, всё это правда. Не бред сумасшедшего, не метафора. Физика, сошедшая с ума. Его дед, родившийся в девятнадцатом веке, проживший две сотни лет в подвале собственного дома, и женщина, которая провела эти века в стазисе. Женщина, которая теперь полностью зависела от него. Артём посмотрел на Лидию. Она снова открыла глаза, и в них стояли слёзы. Значит, она слышала каждое слово. Она всё поняла.

— Воды... — прошелестела она. Это была уже не просьба, а почти мольба.

Артём очнулся от оцепенения. Письмо выпало из его пальцев и спланировало на пол. В голове гудела какофония вопросов, но сейчас все они отступили на второй план перед лицом элементарной человеческой необходимости. Ей нужна была помощь. Прямо сейчас. Он бросился прочь из комнаты, взлетел по каменным ступеням, чувствуя, как неровный пол бьёт в подошвы. Дом, ещё недавно казавшийся враждебным и давящим, теперь стал просто декорацией к развернувшейся трагедии. В сенях он нашёл старое ведро, но оно было расколотым. На кухне, при тусклом свете лампы, он обнаружил кувшин с мутной, затхлой водой, которая бог весть сколько здесь простояла. Она не годилась. Нужна была чистая вода. Он вспомнил, что видел во дворе старый колодец, прикрытый покосившимся срубом.

Выскочив на крыльцо, он на мгновение замер. Дождь прекратился, но мир снаружи изменился. Или это его восприятие изменилось после всего пережитого? Тучи расступились, и в их разрывах показалось ночное небо, усыпанное невероятно яркими, колючими звёздами. Таких звёзд он не видел никогда. Воздух был кристально чист, каждый звук — будь то скрип старой ели или отдалённый лай собаки — слышался с неестественной, резонирующей чёткостью. Тишина между звуками стала глубже, абсолютнее. Он словно оказался в другом измерении. Отбрасывая эти мысли, он бросился к колодцу. С трудом оторвал примерзшую крышку, зачерпнул ведро, стоявшее тут же. Вода оказалась ледяной, обжигающе чистой.

В доме он нашёл более-менее чистую кружку на полке, ополоснул её и, наполнив, поспешил обратно в подвал. Спуск в темноте дался ему на удивление легко, страх отступил, сменившись лихорадочной целеустремлённостью. В металлической комнате всё было по-прежнему. Лидия лежала, приоткрыв глаза. Рядом, в своём саркофаге, покоилась мумия деда — молчаливый свидетель и виновник всего этого кошмара. Артём подошёл к Лидии, опустился на колени возле её саркофага и осторожно приподнял её голову. Волосы её были мягкими, но холодными, словно шёлк. Она была невероятно лёгкой. Он поднёс кружку к её губам. Она сделала маленький, судорожный глоток, потом ещё один. Вода потекла по подбородку, и он вытер её рукавом своего свитера. От этого простого, почти интимного жеста ситуация стала казаться ещё более сюрреалистичной.

— Спасибо, — прошептала она, и голос её стал чуть твёрже. — Ты... его внук?

— Да, — ответил Артём. — Меня зовут Артём.

— Артём... — повторила она, словно пробуя имя на вкус. — Хорошее имя. Он... он рассказал тебе правду? Ты прочёл?

— Да. Я всё знаю. О камере, о времени, о том, что он... что вы... — он запнулся, не зная, как сформулировать.

— Не могу двигаться, — прошептала она, игнорируя его замешательство. — Мышцы... атрофированы. Мне нужно время, чтобы восстановиться.

— Я помогу, — сказал Артём с решимостью, которой сам от себя не ожидал. — Я вытащу вас отсюда. Нужно только понять как. Здесь неудобно, я перенесу вас в дом.

Лидия слабо покачала головой.

— Нет. Не сейчас. Ночь. Сил нет. Утром... утром будет лучше. Я чувствую, как тело просыпается. Мне просто нужно ещё немного покоя. Оставьте меня здесь до рассвета. И... — она на мгновение замолчала, — ...закрой крышку. Обратно. Мне так спокойнее. И холод не так чувствуется.

Артём колебался. Оставлять её здесь, в этом склепе, казалось кощунством. Но её просьба была разумной. Он не сможет в одиночку поднять её по крутой лестнице, не причинив вреда. Да и куда он её понесёт? В нетопленный, сырой дом, где нет даже нормальной кровати? Ей нужен покой и тепло. А здесь, в саркофаге, поддерживалась какая-то своя, стабильная среда. Он кивнул.

— Хорошо. Я сделаю, как вы просите.

Он снова приблизился к саркофагу, чтобы найти механизм закрытия. Рядом с изголовьем он заметил небольшой рычажок, утопленный в корпус. Нажав на него, он услышал то же мелодичное шипение, и прозрачная крышка, выехав из пазов, бесшумно встала на место. Лидия за прозрачной перегородкой снова закрыла глаза, и её лицо приняло то же выражение безмятежного покоя, что и вначале. Словно ничего и не было.

Артём ещё несколько минут стоял, глядя на неё. В голове был полный сумбур. Двести лет. Мумия деда. Спящая красавица из девятнадцатого века. Темпоральная камера. Всё это было слишком для одного дня. Его мозг, перегруженный информацией, требовал отдыха. Ему самому нужно было прийти в себя, осмыслить прочитанное, понять, что делать дальше. Он поднял с пола письмо деда, аккуратно сложил его и убрал в карман. Затем, бросив прощальный

взгляд на два саркофага — один с мертвецом, другой со спящей, — он покинул металлическую комнату.

Тяжёлая дверь за ним закрылась с тем же утробным скрежетом. Часы, всё ещё висевшие на диске с обратной стороны, перестали светиться и снова стали просто старым, пыльным механизмом. Он снял их и положил на ступеньку. В гостиной он без сил опустился на старый, пыльный диван. За окнами по-прежнему стояла ночь. Тишина дома, которая раньше давила, теперь казалась почти успокаивающей. Тиканье часов, висевших теперь на стене, сменило свой ритм и снова шло в правильном направлении. Артём закрыл глаза, и перед его внутренним взором всплыло лицо Лидии — её бездонные чёрные глаза, в которых отразилась вечность. С этими мыслями он, сам того не заметив, провалился в глубокий, лишённый сновидений сон.

Пробуждение было резким и неприятным. Холод пробрал его до костей. Серый, унылый свет осеннего утра сочился сквозь щели в ставнях, рисуя на пыльном полу полосы. Шея затекла от неудобной позы, во рту был мерзкий привкус. Первые секунды он не мог понять, где находится. Затем реальность обрушилась на него всей своей тяжестью: дом, подвал, камера, мумия, Лидия. Он резко сел. Письмо в кармане хрустнуло. Значит, это был не сон. Чудовищный, невозможный сон наяву.

Первым делом он решил растопить печь. Дом промёрз насквозь, и без тепла здесь невозможно было находиться, а уж тем более переносить сюда больного человека. Он нашёл в сенях охапку дров и бересты, и, потратив почти час, с трудом, но разжёг в огромной каменной печи огонь. Огонь занялся неохотно, дым поначалу пошёл в комнату, но потом тяга наладилась, и по дому начало разливаться долгожданное, живительное тепло. Артём смотрел на танец пламени, и ему казалось, что он впервые в жизни видит что-то настолько прекрасное и правильное. Простая магия огня, дарующая жизнь.

Согревшись и немного успокоившись, он начал осматривать дом уже не как застывший музей, а как место, где предстояло жить. При дневном свете всё выглядело иначе. Мрачная торжественность отступила, обнажив запустение и толстый слой пыли. Он нашёл чулан с инструментами, более-менее пригодное ведро, тряпки. Спустившись в колодец, он набрал воды и начал методично, как его учила мать, отмывать стол, лавки, подоконники. Труд помогал не думать. Каждое движение гоняло кровь и вытесняло из головы липкие, пугающие мысли.

Он как раз домывал пол в гостиной, когда услышал звук. Тихий, неуверенный скрип половиц. Но доносился он не с улицы, а изнутри дома. Из сеней. Артём замер, сжимая в руке мокрую тряпку. Сердце снова забилося где-то в горле. Он медленно выпрямился и повернулся к двери. Скрип повторился. А затем дверь в гостиную медленно, со стоном, отворилась. На пороге, держась за косяк, стояла Лидия.

Она была бледна как смерть. Её длинное синее платье, волочившееся по полу, делало её похожей на призрака. Волосы, чёрные, спутанные, обрамляли её лицо, на котором застыло выражение крайнего изнеможения и невероятной внутренней борьбы. Она сделала один неуверенный шаг, пошатнулась и едва не упала.

Артём бросился к ней. Он успел подхватить её в самый последний момент. Она была невероятно лёгкой, как пушинка, и в то же время ощущение от прикосновения к ней было очень реальным, тёплым, живым. Он почувствовал слабый, почти невесомый аромат, исходивший от её волос и платья — запах старых книг и полыни.

— Зачем вы встали? — воскликнул он, помогая ей дойти до дивана. — Вам нужно было позвать меня. Вы же говорили, что не можете ходить!

— Я не могла больше там лежать, — тихо, но твёрдо произнесла она, когда он усадил её. Голос её был всё ещё слаб, но уже не походил на замогильный шелест. В нём прорезались живые интонации. — Там... его запах. Запах тлена и вечности. Я не могла больше ни секунды.

Артём накинул ей на плечи свой пиджак, который бросил накануне на стул. Она поблагодарила его кивком головы и принялась медленно, с жадностью оглядывать комнату. Её взгляд

скользил по печи, по столу, по книгам на полках. В этом взгляде читалась смесь узнавания и глубокой, невыразимой печали.

— Я помню эту комнату, — сказала она наконец. — Но другой. Здесь был свет. И он... Матвей... сидел за этим столом, чертил свои схемы. Мы пили чай из самовара, который стоял в углу.

Артём проследил за её взглядом. В углу и правда стоял старый, помутневший от времени самовар. Он был покрыт толстым слоем пыли.

— Вы помните его молодым? — спросил Артём.

— Он был одержим, — ответила она, не глядя на него. — Но одержимость его была светлой. Тогда. Он верил, что облагодетельствует человечество. Что его открытие откроет новые горизонты. А я верила ему. — Она замолчала, уйдя в свои воспоминания. — Какой сейчас год? Снаружи?

Артём назвал. Она не удивилась. Просто кивнула, словно подтверждая свои расчёты.

— Двести пятьдесят три года, — прошептала она. — Двести пятьдесят три года с момента моего рождения. Я на полвека старше, чем это тело.

Она подняла свои тонкие, полупрозрачные руки и долго, изучающе смотрела на них.

— Странно. Я не чувствую своего возраста. Я чувствую себя так же, как в тот день, когда он закрыл крышку саркофага. Тогда мне было двадцать три.

В печи весело потрескивали дрова. За окнами, в сером свете дня, кружились первые снежинки. В доме становилось всё теплее и уютнее. И эта теплая, домашняя обстановка создавала невероятный, когнитивный диссонанс с тем, что рассказывала эта женщина. Артём слушал, затаив дыхание. Он не знал, что говорить. Все слова казались плоскими и неуместными. Как можно утешить человека, потерявшего два столетия? Как можно оправдать того, кто эту потерю причинил?

Она снова посмотрела на него. Её взгляд был прямым и требовательным.

— Ты прочёл всё письмо? Ты знаешь, что он сделал?

— Да, — тихо ответил Артём.

— Он просил у меня прощения. Этим письмом. Но я не знаю, смогу ли я простить. Я не знаю, есть ли во мне силы на это. Он отнял у меня всё. Мою жизнь, мою семью, моё время. Он похоронил меня заживо ради своей безумной идеи.

— Он написал, что иного выхода не было, — попытался сказать Артём, но осёкся под её взглядом.

— Выход есть всегда! — в её голосе впервые звякнул металл. — Он мог не начинать этот эксперимент. Он мог искать другой способ. Он мог просто любить меня сильнее, чем свою науку. Он выбрал науку. Я была лишь инструментом. Батарейкой для его камеры.

Она замолчала, тяжело дыша. Вспышка гнева отняла у неё много сил. Артём молчал. Спорить с ней было бессмысленно и жестоко. Она была права.

— Простите, — сказал он наконец. — Простите, что спрашиваю. Но что теперь? Что вы будете делать?

Лидия посмотрела на потрескивающий огонь в печи. Отсветы пламени плясали в её чёрных глазах, делая их живыми и загадочными.

— Я не знаю, — прошептала она. — Я ничего не знаю об этом мире. Я чужая здесь. У меня ничего нет. Только это платье и... эта память. — Она коснулась пальцами виска. — И ещё... есть кое-что, о чём он не написал в письме. О чём он, возможно, не хотел писать.

Артём насторожился.

— Что вы имеете в виду?

— Камера, — медленно произнесла она, и каждое её слово падало тяжело, как камень. — Она не просто ускоряла время. Она меняла сознание. Долгое пребывание в ней... оно трансформирует. Я чувствую это. Мои сны, мои видения, пока я была ТАМ, — она кивнула в сто-

рону подвала, — они были не просто снами. Я видела вещи. Я слышала мысли. Его мысли. И не только его.

Она повернулась к Артёму и посмотрела на него в упор. В этом взгляде было что-то такое, от чего ему стало не по себе. Это был не страх, а скорее ощущение, что она видит его насквозь, знает о нём то, чего он сам о себе не знает.

— И ещё одно, — добавила она почти шёпотом, словно боясь, что их подслушают. — Он был в камере двести лет. Один. Но иногда, в своих видениях, я чувствовала, что он там не один. Что с ним кто-то есть. Или что-то. Оно пришло из времени. Или время породило его. И до того, как умереть, Матвей впустил это в наш мир. Он оставил дверь приоткрытой.

В печи громко треснуло полено, и сноп искр взметнулся вверх. Артём вздрогнул. Тишина, наступившая после её слов, была наполнена новым, тревожным ожиданием. Он посмотрел в окно. Снег усиливался, застилая белой пеленой мрачные ели и одичавший сад. И в кружении снежинок, в старом, оживающем доме, ему на мгновение почудилось, что чья-то тень скользнула у края сада. Тень, которая двигалась не по-человечески.

Он перевёл взгляд на Лидию. Она смотрела туда же, в окно, и в её глазах застыл ледяной, первобытный страх. Страх, который не мог быть сыгран.

— Вот оно, — одними губами произнесла она. — Оно здесь.

И в этот момент по дому прокатилась волна низкого, утробного гула, который исходил откуда-то из-под пола. Из подвала. Из открытой двери.

Глава третья: Голос из бездны

Гул нарастал. Он шёл не от стен и не от печи. Он поднимался снизу, из-под половиц, проникая в каждую щель, заставляя вибрировать стёкла в старых оконных рамах. Это был звук, который невозможно спутать ни с чем: низкий, утробный, резонирующий где-то в самой глубине грудной клетки. Он не был громким, но от него закладывало уши и начинала болеть голова. Казалось, сам дом стонет от непосильной ноши, пробуждаясь от векового сна. Артём и Лидия замерли на своих местах, словно две восковые фигуры в паноптикуме. Пламя в керосиновой лампе, стоявшей на столе, тревожно заметалось, вытянулось в длинный, тонкий язычок и едва не погасло. Тени по углам комнаты ожили и заплясали, словно приветствуя невидимого хозяина.

Первой от оцепенения очнулась Лидия. Её лицо, бледное до прозрачности, исказила гримаса, в которой смешались ужас и странная, горькая узнаваемость. Она резко вцепилась в подлокотник дивана с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

— Закрой дверь! — выдохнула она, и её голос сорвался на крик, полный животного страха. — Нужно закрыть дверь в подвал! Оно не должно выйти!

Артёму не нужно было повторять дважды. Он сорвался с места и бросился в сени, к низкой, обитой ржавым железом двери под лестницей, которую оставил приоткрытой, когда поднимался утром. Гул стал громче, интенсивнее. К нему добавился новый звук — сухой, ритмичный треск, похожий на щелчки статического электричества. Воздух в сенях стал плотным, наэлектризованным. У Артёма волосы на руках встали дыбом. Он схватился за ледяную ручку двери, ведущей в подвал, и с силой потянул её на себя. Дверь не поддавалась. Что-то держало её с той стороны. Не физическая сила, а какая-то вязкая, упругая среда, словно он пытался закрыть люк субмарины, которую затягивает океанская бездна. Мышцы на руках вздулись от напряжения. Он упёрся ногами в пол и потянул изо всех сил.

— Быстрее! — донёсся из комнаты отчаянный крик Лидии.

С диким, нечеловеческим усилием, обдирая ладони о ржавое железо, Артём рванул дверь на себя. Раздался чудовищный, визгливый скрежет, словно кто-то провёл гвоздём по стеклу, усиленный во сто крат. В щель между дверью и косяком, которую он успел почти полностью закрыть, на мгновение просунулось нечто. Это была не рука и не щупальце. Это была даже не тень. Скорее, сгусток абсолютной, непроглядной черноты, который двигался против всех законов физики — рывками, скачками, словно кадры старой, бракованной киноплёнки. От этого сгустка веяло таким ледяным холодом, что у Артёма перехватило дыхание, а на коже выступил иней. Он навалился на дверь всем телом и, наконец, с оглушительным стуком захлопнул её. В тот же миг гул прекратился. Наступила звенящая, ватная тишина.

Артём привалился спиной к двери, тяжело дыша. Сердце колотилось как бешеное, готовое выпрыгнуть из груди. Ладони саднило от ржавчины и мелких порезов. Он сполз по двери вниз, на холодный пол сеней, чувствуя, как дрожат колени. Только сейчас до него начал доходить весь ужас произошедшего. То, что он видел в щели, не было плодом его воображения. Это было реально. Реальнее, чем сам этот дом. И это что-то стремилось вырваться наружу.

Из гостиной, пошатываясь и держась за стены, вышла Лидия. Она была похожа на призрак, который вот-вот растает в сумерках сеней.

— Ты... ты закрыл? — спросила она непослушными губами.

— Да, — выдохнул Артём. — Что это, Лидия? Что это такое?

Она ничего не ответила. Она подошла к двери и приложила к ней ладонь. Не к тому месту, где был сгусток тьмы, а к верхнему косяку, туда, где виднелась всё та же гравировка спирали.

— Здесь нужен знак, — прошептала она. — Он стёрся. Матвей наносил их повсюду. Знаки, удерживающие сущность. Они были на косяках, на фундаменте, даже на деревьях вокруг дома. Но время и дожди смыли их. Остались только те, что внутри.

— Какая сущность? — Артём поднялся на ноги. Он чувствовал, как внутри закипает гнев, смешанный со страхом. Гнев на деда, который оставил ему это чудовищное наследство. Гнев на себя, за то, что не послушал мать. — Ты сказала, что дед впустил что-то в наш мир. Что именно?

— Я не знаю имени, — Лидия убрала руку от двери и повернулась к нему. Её чёрные глаза лихорадочно блеснули. — Я не думаю, что у этого есть имя, которое может произнести человеческий язык. Матвей называл его Хроносом, но это было лишь условное обозначение. Оно пришло из временного потока, когда он, пытаясь стабилизировать контур, пробил брешь в... — она замялась, подбирая слова, — в ткани бытия. Он думал, что черпает энергию из самого времени. Но время — это не река и не поле. Это живая, дышащая бездна. И в ней есть свои обитатели. Существа, для которых наши столетия — лишь мгновение. Когда Матвей умирал, контур рушился. Ему пришлось открыть саркофаг, чтобы выйти. И вместе с ним, по образовавшемуся каналу, в наш мир просочилось Оно. Часть той бездны. Эхо того существа.

Артём слушал её, и ему казалось, что он сходит с ума. Ещё вчера он жил в мире, где самыми страшными вещами были просроченный кредит и гнев начальника. А сегодня он слушает рассказ женщины из позапрошлого века о чудовищах из временной бездны, которые просачиваются в реальность. Но он не мог отрицать того, что видел своими глазами. Видел и чувствовал.

— Если Оно вырвется, что будет? — спросил он, заранее боясь услышать ответ.

— Я не знаю, — честно ответила Лидия. — Возможно, ничего. Это всего лишь эхо, тень настоящего существа. У него может не хватить сил, чтобы долго существовать в нашем времени. Наше время для него — яд. Оно живёт в другом временном потоке. Но... — она запнулась, — ...если оно найдёт источник энергии, оно может начать расти. Оно питается временем. Нашим временем. Оно высасывает его из всего живого. Ты заметил, какой здесь мёртвый лес? Как быстро всё приходит в запустение? Это не только из-за того, что дом был заброшен. Эта штука в подвале десятилетиями тянула соки из этого места. Как раковая опухоль.

Артём похолодел. Он вспомнил чахлые, больные берёзы, которые видел по дороге. Мёртвую тишину в деревне. Ощущение безысходности и увядания, которое накрыло его, как только он свернул с трассы. Всё это было неспроста.

— Но дом, — возразил он. — Дом держится. Дед прожил здесь много лет. Значит, знаки работали? И мы можем их восстановить?

— Знаки держали его внутри подвала. Камера была клеткой. Но когда Матвей умер, а ты открыл дверь, клетка сломалась. Сейчас его сдерживают только остаточные контуры в стенах подвала. Но я не знаю, насколько их хватит. Оно чувствует, что мы здесь. Оно голодно.

В этот момент из-за двери, которую Артём только что захлопнул, снова раздался звук. На этот раз не гул, а тихий, вкрадчивый скрежет. Словно когти огромного зверя медленно, с садистским наслаждением проводили по металлу. Скрежет этот был полон такого злобного, потустороннего интеллекта, что у обоих кровь застыла в жилах. Оно не ломилось наружу, как дикий зверь. Оно изучало преграду. Оно думало.

— Нужно уходить отсюда, — твёрдо сказал Артём. — Прямо сейчас. Мы сядем в машину и уедем. Пусть этот дом провалится в тартарары вместе со своим подвалом и этой тварью.

Он уже повернулся, чтобы идти за своими вещами, но Лидия схватила его за руку. Её пальцы были холодными и цепкими.

— Нельзя, — произнесла она с какой-то обречённой уверенностью. — Если мы уйдём сейчас, Оно вырвется. И пойдёт за нами. Оно уже почувствовало твой запах. Запах крови Ветровых. Ты — ключ. Ты открыл дверь. Ты — наследник. Оно теперь связано с тобой. Ты можешь

уехать хоть на край света, оно будет идти за тобой по пятам. Медленно, но верно. И когда оно доберётся до тебя, рядом уже не будет этих стен, которые хоть как-то его сдерживают.

Артём замер. Он хотел возразить, найти изъян в её логике, но в глубине души он знал, что она права. Это было то самое иррациональное знание, которое древнее логики. Знание жертвы, чувствующей дыхание хищника на своём загривке.

— И что же делать? — спросил он, чувствуя, как его захлёстывает отчаяние. — Сидеть и ждать, пока оно прогрызёт эту дверь?

— Нет, — ответила Лидия. В её глазах, только что полных страха, снова появилась твёрдость. — Мы должны найти способ закрыть брешь. Навсегда. И я знаю, где искать ответы. Ты читал дневник Матвея. Только первую попавшуюся запись. Но там их десятки. Он записывал всё. Каждый свой шаг, каждый эксперимент. Он был одержим, но он был гением. Где-то в его записях есть ключ. Должен быть.

Они вернулись в гостиную. Артём плотно закрыл за собой дверь, но даже сквозь толстое дерево ему чудился этот тихий, непрекращающийся скрежет. Он подбросил дров в печь, чтобы хоть как-то разогнать сгустившийся в комнате холод и мрак. Лидия, с его помощью, перебралась за большой дубовый стол, на котором всё ещё лежали ворохи пожелтевших бумаг. Артём принёс из кабинета ещё несколько стопок тетрадей и папок. Он зажгёт все свечи, какие смог найти, расставив их по всей комнате. Живой, тёплый свет создавал иллюзию защищённости, отгораживая их от враждебной тьмы, которая, казалось, сгустилась за каждым окном, за каждой стеной.

Они начали разбирать архивы. Артём брал одну тетрадь за другой, просматривал их и передавал Лидии. Та, несмотря на слабость, вчитывалась в записи с невероятной скоростью и цепкостью. Было видно, что она понимает почерк и терминологию Матвея гораздо лучше его. Иногда она тихо комментировала прочитанное, и из этих обрывочных фраз перед Артёмом вырисовывалась картина ещё более страшная, чем он мог себе представить.

— Вот, смотри, — сказала она, пододвигая к нему толстую тетрадь в чёрном переплёте. — Это журнал калибровки контура. Он пишет здесь о «фоновом шёпоте». Сначала он думал, что это акустическая галлюцинация, вызванная резонансом. Но потом он начал записывать слова. Бессвязные, на разных языках... и не только человеческих. Он называл это «вербальной интерференцией из глубинных слоёв хроноса». Он понимал, что с ним кто-то говорит. Но вместо того, чтобы остановиться, он пытался наладить контакт! Он был настолько ослеплён...

— Но здесь же должны быть и чертежи? — перебил её Артём, пытаясь ухватиться за что-то материальное, понятное. — Планы самой камеры, этого контура. Если мы поймём, как она работает, мы сможем понять, как её отключить. Или, наоборот, как запереть эту тварь там навсегда, перекрыв канал.

— Да, чертежи есть. Но они все в кабинете, наверху. В том запертом шкафу, который ты не смог открыть. Ключ от него был только у Матвея.

— Я взломаю его, — решительно сказал Артём. — Сейчас это не имеет значения.

Он поднялся наверх, в кабинет. Здесь, при свете свечей, ряды книг выглядели особенно зловеще. Казалось, сами фолианты наблюдают за ним из темноты. Он подошёл к запертому шкафу. Это был массивный, чёрного дерева бюро с множеством ящичков и одной большой дверцей. Артём не стал тратить время на поиск отмычек. Он вышел в сени, нашёл в куче инструментов небольшой ломик и, вернувшись, с силой вогнал его в щель между дверцей и корпусом. Дерево затрещало, протестуя. С третьего удара замок сдался с жалобным хрустом.

Внутри шкафа лежали не книги, а папки, набитые чертежами. Не просто чертежами — это были огромные листы плотного ватмана, на которых тушью, с невероятной, болезненной тщательностью были вычерчены сложнейшие геометрические фигуры, спирали, концентрические окружности, пересекающиеся под немислимыми углами линии. Схемы напоминали

одновременно платы микросхем, астрономические карты и каббалистические рисунки. От них веяло холодом и абсолютной, нечеловеческой логикой. Артём сгрёб все папки и понёс их вниз.

Лидия разложила чертежи на столе, придавив углы книгами. Она склонилась над ними, и в свете свечей её лицо, обрамлённое чёрными волосами, стало похоже на лицо древней прорицательницы.

— Вот оно, — прошептала она, указывая на самый большой чертёж, где из центра расходились сотни линий, образуя сложнейший лабиринт. — Это не просто камера. Это уловитель. Матвей построил хрональный резонатор, настроенный на определённую частоту. Частоту «Хроноса», как он его называл. Он не случайно пробил брешь. Он целенаправленно искал контакт с этой сущностью. Он хотел не просто увидеть будущее. Он хотел подчинить само время. Стать его хозяином. А для этого ему нужен был источник энергии. Эта сущность была для него как атомный реактор.

— Но она вырвалась на свободу, — сказал Артём. — И теперь мы имеем то, что имеем. Можно это как-то отключить? Есть тут рубильник, предохранитель?

— В том-то и дело, что нет, — Лидия откинулась на спинку стула. Она выглядела измождённой, но глаза её горели холодным огнём. — Реактор пошёл вразнос. Он сам стал порталом. Единственный способ закрыть его — это разрушить приёмный контур. Но он находится в самом центре камеры. Там, за металлической дверью.

Они оба замолчали. Чтобы всё исправить, им нужно было попасть в самое сердце кошмара. Туда, откуда до сих пор доносился леденящий душу скрежет.

— Если мы войдём туда... — начал Артём.

— Оно попытается нас убить, — закончила за него Лидия. — Оно не любит гостей. Особенно тех, кто пришёл его уничтожить. Оно питается временем, но и мы для него — носители времени. Каждая секунда нашей жизни — это пища для него. Мы для него как ходячие батарейки.

— Но ты сказала, что наше время для него — яд.

— В больших дозах — да. Но оно уже адаптировалось. Оно провело здесь много лет. Оно голодно, но оно уже не так уязвимо. И оно умеет ждать. Это хищник-засадник. Время — его среда обитания, понимаешь? Для него подстеречь добычу — это как для нас задержать дыхание.

Артём снова посмотрел на чертежи. В его голове зрела идея, безумная и опасная, но, возможно, единственная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.